

Сергей Тулупов

г. Череповец,
Вологодская обл.

Больше чем зависть

Начало семидесятых годов прошлого века. Раннее летнее утро в полку Гражданской обороны под Ленинградом, рядом с городком Колпино. До подъёма учебной роты связи оставалось не менее получаса.

– Очухивайся быстрее, одевайся и мигом за командиром взвода. В полку намечается внеочередная проверка – все офицеры должны быть в расположении своих подразделений. Адрес знаешь, на прошлой неделе вроде тебя посылал сержант Зернов за ним, – дежурный по роте, он же командир отделения младший сержант Калачёв тщетно пытался достучаться до частично проснувшегося сознания курсанта Полушубкова.

Рядовой первого года службы Арсений только что неловко спрыгнул с железной койки со второго яруса, стоял в длинных сатиновых трусах и застиранной майке на полусогнутых ногах перед бравым командиром и пытался спросонья понять, чего от него нужно этому назойливому службисту.

– Это не я бегал за командиром взвода, а Буйновский, его и отправляйте, – с этими словами Арсений повернулся к своему солдатскому лежбищу и попытался забраться на законное место.

– Буйновский в наряде на кухне, так что придётся пробежаться вам, курсант Полушубков. И пошевеливайся, приказы не обсуждаются! – жёстко отрубил младший сержант, сообразив, что разбудил не того, и пресекая очередную попытку подчинённого забраться на койко-место.

– А адрес? Где живёт наш лейтенант? – проямлил Сеня, осознав тщетность дальнейших попыток отвязаться от командира отделения, привычно надевая гимнастёрку и обувая кирзовые сапоги на ноги с бестолково обмотанными портянками.

– Адрес возьмёшь у дневального, – закончил невразумительный диалог младший сержант Калачёв, отправляясь будить очередного посыльного в другом конце казармы.

Через минуту курсант Сеня вывалился из здания казармы и по диагонали через плац лёгкой трусцой устремился, опустив голову, в сторону контрольно-пропускного пункта (КПП).

– Товарищ курсант! Немедленно остановитесь! Вы почему не приветствуете старшего по званию?! – пожилой майор с красной повязкой на руке с надписью «Дежурный по полку» тормознул нерадивого солдата, как бы не замечающего старшего офицера и пытавшегося проскочить мимо, не козырнув.

Рядовой Арсений, прослуживший менее месяца, от неожиданного окрика резко остановился и, нелепо чеканя шаг, направился в сторону дежурного по полку. Затем приложил правую руку к виску, не дойдя двух метров до офицера, лихо развернулся, чуть не упав, промаршировал мимо него в сторону КПП.

– Товарищ курсант, немедленно вернитесь! – потребовал седой майор, ветеран армии, не выдержав такого неуважения к строевой подготовке и к его личности.

Арсений остановился и замер, вспоминая, через какое плечо нужно правильно поворачиваться. Выдержав паузу секунд в десять, нелепо крутанулся на месте через правое плечо. Громко впечатывая подошвы сапог в асфальт, на ходу скорректировал нужное направление в сторону дежурного по полку. За всё время экзотичных строе-

вых «па» ладонь правой руки бравого курсанта находилась у виска.

– Товарищ младший лейтенант! Курсант Полушубков по вашему приказанию явился! – прокричал-доложил рядовой Арсений, чётко остановившись напротив доблестного майора

Оторопев от такой наглости – незнания элементарных воинских навыков и званий и не сразу придя в себя, майор уставился на чудокурсанта, забывшего опустить правую руку.

– Во-первых, руку нужно опустить. Во-вторых, у меня звание майор. В-третьих, являются только черти, а военнотружающие прибывают. А в-четвёртых, сколько уже успели прослужить, курсант Полушубков? – закончив поучения, поинтересовался подтянутый майор.

– Скоро месяц будет! Через неделю присягу принимать будем, – немного заикаясь, ответил Арсений.

– А куда следуете, товарищ курсант? – уточнил ветеран советской армии, вспоминая себя в молодости.

– Младший сержант Калачёв послал за командиром третьего взвода учебной роты связи, – доложил Сеня, рядовой первого месяца службы, понемногу приходя в себя от встречи с высоким армейским чином.

– Хорошо. Следуйте согласно приказу! На КПП скажите, что вы посыльный, – закончил поучения майор, решив не уточнять, куда в армии посылают, а куда отправляют, затем добавил, поправляя портупею, зацепившуюся за орденскую планку юбилейных наград: – В следующий раз плац обходите по периметру, а не по диагонали.

– Есть! – ответил будущий защитник родины, вскинув правую руку к виску, и повернулся через правое плечо на три четверти оборота, скорректировав курс на КПП, но руку всё-таки опустил.

«Вот чёрт, забыл подсказать, что поворачиваться надо только через левое плечо», – с досады доставая пачку сигарет «Прима» и привычно закуривая, подумал подтянутый майор-службист, которому до пенсии оставалось чуть меньше двух лет.

После беседы с дежурным по части курсант Арсений прибавил ходу в сторону

КПП, из которого вывалился неспешной походкой вразвалочку молоденький сержант с непокрытой головой, так как пилотка была просунута под левый погон.

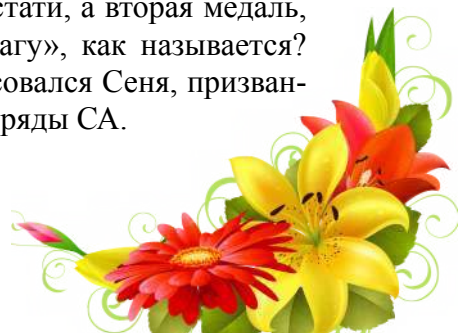
У гимнастёрки были расстёгнуты две верхних пуговицы, а не только крючок под подбородком, а ремень был ослаблен до предела, зато бляха ярко отражала солнечный свет словно зеркальце. Не первой свежести гимнастёрка старого образца без подворотничка с каймой пластика по вороту была явно ушита, как и армейские брюки, а каблуки начищенных хромовых сапог опытной рукой мастера оформлены под конус и подбиты подковками, отчего цокали по асфальту тротуара. Сержант, года на три старше Арсения, был явно с лёгкого похмелья и возвращался из городка в хорошем настроении, возможно, от боевой подруги из местного населения.

За полтора десятка метров до встречи с расслабленным сержантом, из старослужащих трёхгодичников, курсант Арсений Полушубков наконец понял, что так непонятным образом притягивало его взгляд во внешнем облике дембеля и не вписывалось в привычную картину образов солдат и сержантов срочной службы. Слева на груди у ветерана срочной службы красовались две медали, одна из которых точно была «За отвагу», как у его отца, ветерана Великой Отечественной войны. Справа красовался вишнёвый знак в виде звезды, по внешнему виду напоминавший орден «Красной звезды», который когда-то пришлось увидеть на фотографиях героев войны, отгремевшей четверть века тому назад.

Проходя мимо сержанта, Арсений отдал чётко по-военному честь.

– Ты чего, паренёк, часом не перегрелся?! Я тебе не офицер и не сержант, повёрнутый на дисциплине из «учебки», а вот от сигаретки бы не отказался, – в ответ на свои манёвры услышал Сеня от сержанта-разгильдяя.

– Извините, товарищ сержант, не курю, а поприветствовал я вас из уважения к вашим боевым наградам. Кстати, а вторая медаль, помимо той «За отвагу», как называется? – скромно поинтересовался Сеня, призванный в конце весны в ряды СА.

– «За боевые заслуги», братишка, пропись в «учебке» в сапёрную роту, а потом на разминирование. Ну а если уцелеешь, то тоже такую медаль на грудь повесят. Извини, мне до подъёма в казарму успеть надо, как обещал, – с этими словами доблестный сержант направился в сторону дежурного по полку, маячившего на краю плаца.

Арсений подождал у КПШ, пока сержант, увешанный боевыми наградами, подойдёт к майору, ожидая от него разнос в отношении сержанта-самовольщика, одетого не по форме, но ничего подобного не случилось.

Дежурный по полку поздоровался с доблестным сержантом за руку и угостил его сигаретой, которую тот прикурил от сигареты майора. Затем так же, вразвалочку, не торопясь отправился в трёхэтажное здание своей казармы, чуть ссутулившись, словно ощущая незримую тяжесть своего ратного труда в мирное время...

Два года службы Арсения Полушубкова пролетели по сложной траектории армейских отношений как среди солдат и сержантов срочной службы, так и с вышестоящим офицерским составом. Службу не «рвал», но дослужился до младшего офицерского звания. Наивысшей наградой стала благодарность заместителя командующего Прибалтийским военным округом за установление бесперебойной связи на учениях гражданской обороны, да и та позднее где-то затерялась среди документов при смене военного билета на удостоверение офицера запаса.

И никогда Арсений никому не завидовал, хотя и в отпуске не был, и в увольнение нечасто ходил, а из нарядов и караульной службы не «вылезал» из-за своего характера. Многое позабылось, а вот тот русоволосый сержант с боевыми медалями и орденом на груди из семидесятых годов прошлого века остался в памяти и через сорок лет прожитой жизни.

Нет, даже не из здоровой зависти, а скорее из заслуженного уважения к лучшим представителям своего послевоенного поколения, сумевшего в мирное время не уронить честь воинов-победителей в самой страшной войне в истории человечества.

А капелла в гимнастёрках

СССР, город Колпино Ленинградской области – 1970-й год. Полк гражданской обороны, или ПЕТРОВСКИЕ ВОЙСКА под знамёнами легендарного маршала Василия Ивановича Чуйкова, – так называли в офицерской среде недавно сформированные части, прообраз МЧС.

Очередная вечерняя поверка учебной роты связи весеннего призыва. Позади примерно четыре месяца службы, в строю более ста курсантов. У каждого хороший или очень хороший слух, без чего будущим радистам не обойтись, а у многих исключительно музыкальный.

В наличии весь спектр голосов, в основном баритонов лирической и драматической направленности. В армии и того и другого всегда хватало в полной мере, но в роте были и два десятка разного уровня теноров, включая высокий и меццо-характерный, а также несколько басов: центральных и низких. Присутствовал и контротенор в конце восьмого десятка, но он со своим фальцетом проявлял себя не каждый раз, а только после внеочередного наряда.

Вот-вот должно было начаться великое таинство исполнения многократно отрепетированного выступления особого хора разноголосого воинства, где у каждого только одна попытка произнести своё «Я», гармонично вписав его в общую звуковую картину и используя при этом не более двух нот, и всю силу и красоту тембра голоса. В помещении казармы присутствовали два незнакомых сержанта из соседней роты. Пришли послушать представление по приглашению приятелей, доблестных командиров отделений и заместителей командиров взводов...

А всё началось с того, что старшина роты Калгушкин с ярко-малиновым лицом под цвет околыша фуражки и такого же цвета погонами присутствовал однажды на вечерней поверке. Услышав вялое «яканье» курсантов своей роты, похожее на кваканье умирающих лягушек на пересохшем болоте, тотчас выдал подробную инструкцию, как надо бодро и чётко, «с огоньком в го-

лосе» откликаться на свою фамилию, при этом идентифицируя себя.

Чтобы материал лучше усвоился, поверку провели трижды за счёт сна. После таких убедительных доводов личный состав роты творчески подошёл к этому важнейшему мероприятию, завершающему любой день служивых. Каждый курсант внёс свою посильную лепту, систематически улучшая конечный результат, благо, офицеры роты при этом не присутствовали. Не любили они лишний раз заглядывать в солдатскую казарму.

– Рота, смирно! Дежурный по роте, на выход! – внезапно прозвучала команда дневального по роте.

Это нагрянул командир роты, капитан Брунов – он дежурный по полку и лично решил проверить дисциплину своих подопечных, а заодно и слухи о необычной вечерней поверке в роте связи.

Напряжение возросло, что проявилось по едва заметному нервному тикю на лице у сержанта Геннадия Зернова, «дирижёра а капеллы», которому выпала честь провести ВЕЧЕРНИЙ ОБРЯД.

Как поведут себя курсанты, было понятно, и ничего уже не изменить, а вот как ко всему этому отнесётся комроты, от которого зависела судьба каждого сержанта, было непредсказуемо. Наконец, после всех необходимых команд, журнал поверки личного состава был открыт и названа первая фамилия.

И ПРОЦЕСС ПОШЁЛ, медленно нарастая по сложной синусоиде всего спектра «яканья» с левого фланга к середине и далее на правый фланг. Почти до середины строя, в основном, в баритональном диапазоне с небольшими включениями теноров. В середине вступили басы и основная масса теноров: меццо-характерных и драматических, между ними баритоны выстраивали плавные лирико-драматические переходы.

Сегодня не подкачал и освободившийся после наряда на кухне контротенор, выдав фальцетом такое необходимое и пронзительное «Я», дополнившее зарождающийся шедевр. Затем плавный голосовой спуск до низкого баса и быстрый взлёт через лирические баритоны к высокому тенору, а от него

к драматическому окончанию на мажорной ноте в баритональном диапазоне.

Процедура переключки проходила под еле сдерживаемый смех, переходящий в едва слышимые всхлипывания младших отцов командиров, это послужило ещё большим катализатором «яканья» каждого участника необычного хора. Наконец, потрясающее ВЫСТУПЛЕНИЕ учебной роты связи закончилось...

Вечерняя проверка проведена, о её результатах было доложено дежурному по полку. Ошеломлённый услышанным шедевром, не нарушившим Устава внутренней службы, капитан Брунов, обладающий тонким чувством юмора, что среди офицеров большая редкость, не сразу пришёл в себя. Затем вышел перед строем и скомандовал:

– Рота, смирно! За отличное выполнение вечерней поверки личному составу объявляю благодарность! Всему сержантскому составу – по одному внеочередному увольнению! – последовало непредсказуемое решение комроты.

– СЛУЖИМ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ!!! – громыхнуло в ответ, да так, что позвонил начальник караула, узнать: всё ли у связистов в порядке?

Ещё несколько раз вечерняя проверка в роте связи проводилась в присутствии командира роты, капитана Брунова и его сослуживцев-офицеров. Однажды даже заглянул командир полка. Ни разу бравые курсанты-связисты не подвели ОТЦА-КОМАНДИРА.

Через полтора года на Центральных Курсах частей ГО СССР по подготовке младших лейтенантов запаса, где-то под городом Ногинском в Московской области младшему сержанту Арсению Полушубкову пришлось наблюдать занимательную сценку из воинской жизни.

Группа разнокалиберных сержантов подхватила на руки и долго подбрасывала подтянутого майора Брунова, заглянувшего к бывшим подопечным. Они качали бывшего любимого командира за то, что он назвал их «САЛАГАМИ».

СОЛДАТЫ, как ДЕТИ, – ДОБРОТУ никогда не забывают.

